

Каждый месяц имеет свои, присущие только ему запахи. И, если январь, устойчиво пахнет морозом, то июль буквально пропитан запахом свежего сена. Любо крестьянскому сердцу яркое солнце июля; конечно, работа на жаре изматывает, да и силы выносливой, на многие дни достаточной, требует, но не зря. Словно древние витязи возвысаясь в робких сумерках вечера ладные стога сена. Будет корм разномастным домашним питомцам, а значит, и зимой, в долгие холодные ночи не остановится жизнь. Так было.

И казалось тогда, что деревенская сенокосная страда не одних сельчан касается. Нет, опуститься до восхваления тех времён было бы нечестно. Но почему-то вспоминается директор завода, отчитавший свою секретаршу не пропустившую к нему приехавшего, как всегда с просьбами, директора совхоза.

- Я, кажется, внятно объяснял: для сельчан зелёная улица. Не притворяться, а помогать надо. Всерьёз. А не байками и состраданиями.

В те времена на первых страницах газет говорилось о сельских проблемах, печатались сводки о заготовке кормов.

О чём же вещает свободная пресса в наши дни? На главной странице, как и положено, лики начальства, отчёты об успехах и праздниках, а потом «сводки» с пляжей и пивных. «В городе «Н» гражданка «П» уснула на пляже и загорела с передней части тела так, что приехавший за ней муж не узнал её и увёз с пляжа другую, не спящую, а потому лучше сохранившуюся женщину». «В пивном заведении под названием «Шайба» гражданин невысокого роста на спор выпил два ящика пива...»

Летние месяцы всегда подчеркивали разницу между городской и деревенской жизнью. В городе пора отпусков, в деревне уйти в отпуск или бездельничать в эти месяцы было позволительно разве что детям и старикам. Страда всегда воспринималась сельскими жителями как пора великого труда, в котором стыдно не участвовать.

В недалёком прошлом больше всех радовались приходу сенокосной поры мальчишки. Из письма городского мальчугана своему дере-

венскому сверстнику: «Витя, я скоро приеду. У тебя отец бригадир, так мою лошадь пусть никому не отдаёт, сам копыны возить буду». Так получилось, что через два года этот мальчишка уже писал про рок-ансамбли. А ещё через год стал стесняться, если кто-то напоминал ему о лошади. Такова у нас система трудового воспитания. Нынешним сверстникам тех ребят уже не понять, что высший класс мальчишеской доблести был связан с изнурительным трудом на сенокосе. Разбитые в кровь мягкие места, изъеденные оводами лица, шеи, руки, ошалевшие от паутов лошади, окрики стогоправов, и жара, от которой даже прохладными вечерами долго ещё горит тело - вот далеко не полный перечень мальчишеских страданий. Измученные ребята тайно просят девочек, наравне со взрослыми загребаящих сенные валки, чаще поднимать грабли к небу, ибо по поверью, это может вызвать дождь. Но никому не придёт в голову звать дождь вслух, взаправду. Не дай Бог, взрослые услышат.

Только ведущая центрального канала, не слыша эпитетов в свой адрес деревенских мужиков, с нескрываемым восторгом вещает: «Наконец-то, после изнуряющей жары, на европейскую часть России пришли кратковременные дожди».

Откуда, да и зачем ей знать, что кратковременные дожди хуже об-

ложных, и что её радость по этому поводу воспринимается как невольное издевательство над крестьянской радостью.

Изнурителен сенокосный день. Ближе к вечеру не выдерживают лошади, не стоят у копен, норовят убежать в тень леса от летающих кровососов и жары. Но вот стогоправ завершает зарод и, вытерев пот со лба, кричит: «Шабаш! На сегодня хватит».

Мальчишки съезжаются, берут свои опустевшие котомочки, собрав остатки сил, садятся на мокрые спины лошадей и «аллюр три креста!» Вот оно, счастье-то! Живая пружина бесшумно развернётся в корпусах Рыжух, Венер, Орликов, и с места в карьер рванутся они, обгоняя друг друга, к спасительной конюшне. Молодые сильные кони несутся столь быстро, что боязно отвлечься взглядом на мелькающие придорожные кусты, и холод страха пробивается под лопатки, но вместо того, чтобы придержать коня босые пятки наездника вновь и вновь ударяют в бока животного. Кто заставляет мальчишку стремиться быть первым, кровь ли вольнолюбивых предков, или незабудкин взгляд угловатой, хрупкой девчушки - трудно понять. Но со временем это будет частью неукротимого и стойкого к лишениям характера. Малолетний городской мальчуган, не знающий всех «радостей» деревенско-

го детства, пугается комариного писка, машет руками и плачет навзрыд, увидев жующую корову. Весь деревенский быт кажется ему злым и опасным.

Наш же пострел нарочно задирал рубаху и подставляет под укусы не только комаров, но и оводов свою спину. У другого слёзы уж на глазах от этих «зверей», а терпит, закаляет характер. Глядя на него, и гость становится смелее и уж не боится домашних животных, словно навеки прощаясь, глубоко вдохнув, шлёпается грудью в холодную речную воду.

Каждый день в деревне приносит малышу радость победы не только над окружающим миром, но и над собой. Разве в городской жизни кто-то мог его заставить встать на рассвете, когда ещё солнце чуть проклюнулось на востоке и колет пятки холодная шариковая роса? А тут, приготовившись с вечера, он долго не может уснуть, перебирая в памяти, всё ли он подготовил к утренней рыбалке, не проспал ли, и зайдут ли за ним деревенские «наставники».

Вот уж будят. Где-то там, в глубине окутанной туманом реки, ждёт его волшебная рыба, способная подарить настоящее счастье. А когда он понесёт её через деревню, все будут хвалить его, а бабушка назовёт добытчиком. Ещё не сняв сапоги, он уснёт с чувством своей значимости и с желанием, отдохнув, снова бежать на реку.

Иногда, ещё в начале июля, по деревням и сёлам разносится весть, что появились грибы, созрела на вырубках земляника, а болота усыпаны красной ещё морозкой. Сейчас сбор ягод и грибов стал частью деревенского бизнеса. Опять добрый русский богатырь-лес выручает северный народ, открывая свои кладовые.

Темнее становятся ночи. В конце месяца молодые волчата, соскучившись по ушедшим на охоту родителям, начинают влзаивать, а иногда и тоненько, словно всхлипывая, выть.

Подросшие кабаны позволяют матери уводить полосатое семейство в далёкие, богатые кормом уголья, где полно жирных гусениц майского жука, где в предлобьях не выводится сладкий сочный

корень, да и картофельный участок навестить самое время. Молодой картофель для кабанят, что пирожное для ребятшек.

Июльский лес - старшая группа детсада. В тени трав, деревьев и кустарников проходят курсы на выживание птенцы рябчиков, тетеревов, куличков. Учатся искусству быть невидимыми ушастые зайчата. Лисий выводок осмелел и всё чаще вылезает из норы, чтобы поразмяться и получить первые азы охотничьего дела.

Мартик тоже подрос. Уже хозяйка, да и ребята забывают принести ему солёную корочку, и, требуя её, он, как ему кажется, на законных основаниях норовит легонько поддать рожками, чтобы напомнить о своей привилегии. Загончик у хлева всегда открыт. Но телёнок не идёт: заедат орды летучих кровососов. В хлеве прохладней и спокойней.

Древнее искусство человека вырабатывать хлеб, и управляться с животными - самое значительное из искусств и самое непочитаемое.

Как кому, а мне почему-то хочется просить прощения у уставших стариками и ушедших в мир иной ребяташек с мозолями на задницах, у поседевших доярок, которые знали ценность надоенного ими молока и режее плакали от своего нездоровья, чем о заболевшей корове. У мужиков, которые в пыльном раскалённом аду грохочущих тракторов могли работать по десять-двенадцать часов в сутки и не мыслили себя без главного, ещё в детстве выбранного дела: вырабатывать хлеб.

Великое поле Земли оттого ещё заслуживает поклонения, что первым позаботилось о возможности людей жить не только грабежом и убийством.

Напряжение июльских дней постепенно переходит с лугов на поля. А там: щедро разбросало солнышко своё золото на поля ржи и ранних ячменей. Опрокинулась небесная голубизна на вечернее льняное поле, а разодранное под зябь клеверище утверждает: здесь живут и надеются жить люди.

Радостно и тревожно хлеборобам. Шутка ли, всё это убрать, высушить, отсортировать и сохранить. Дай Бог, чтобы август не подкачал. Дай-то Бог!